

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ПЕРСНИФИКАЦИИ» В СТИЛИСТИКЕ*

Аннотация. Представленная статья рассматривает стилистический прием персонификации. Задача состоит в анализе различных точек зрения на данный троп, исследовании связи персонификации с другими стилистическими фигурами и попытке сформулировать наиболее точное определение этого понятия.

Ключевые слова: метафора, персонификация, олицетворение, антропоморфизм, аллегория.

Известно, что о персонификации упоминается практически в каждом более или менее фундаментальном учебнике по стилистике. Однако четкого и однозначного определения этого понятия еще не существует.

В стилистике персонификация принадлежит к системе тропов. Причем, как верно замечает А.С. Лебедевский, «этот весьма распространенный способ художественного переосмысления считается, вероятно, настолько простым, что разговор о нем, как правило, ограничивается лишь кратким определением и несколькими примерами в качестве иллюстрации» [7, 61]. Однако даже в дефинициях персонификации обнаруживаются значительные различия.

Некоторые исследователи даже исключают его из системы тропов. Определение персонификации отсутствует, например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре [8, 709], в словаре лингвистических терминов под редакцией Ж. Марузо [9, 440], в немецком словаре «Herman Paul. Deutsches Wörterbuch» [18, 667]. В энциклопедии «Языкознание. Русский язык» есть заметка «Очеловечивание мира», в которой речь идет об уподоблении свойств окружающего мира свойствам человека: «жесткий мороз», «равнодушная природа», но примеры определяются как чистые метафоры [1, 65]. Немецко-русский словарь лингвистических терминов под редакцией Баранова А.Н., Добровольского Д.О. упоминает только о процессе антропонимизации, определяя его как переход имени нарицательного в антропоним [3, 320]. Но неправомечно было бы утверждать, что явление персонификации было и остается непривлекательным для исследования. Интересные мысли по поводу персонификации мы встречаем в работах А.И. Ефимова, А.И. Гвоздева, В.В. Ви-

ноградова, Л.В. Щербы, А.С. Ярнатовской, А.Р. Исаакян.

Выработку однозначного определения персонификации затрудняет наличие многочисленных синонимов (олицетворение, прозопопея, антропоморфная метафора, одушевление). Это нередко приводит к путанице в терминологии и противоречивости в определениях этого тропа. Подробный анализ существующих трактовок персонификации провела С.Ю. Воскресенская. Источниками определений послужили русские, немецкие и английские словари и справочные издания, в том числе из сети Интернет. Автор делает вывод, что «большинство источников определяют персонификацию как вид метафоры, но встречаются и трактовки персонификации как вида аллегии. К тому же в одних определениях персонификация называется тропом, а в других – фигурой. В нескольких источниках персонификация названа обобщенно: «художественный прием», или «термин». Отдельные авторы просто пишут: «одушевление», «изображение», «иносказание». Таким образом, можно констатировать, что персонификация – это активно изучаемое, но еще не до конца изученное явление [4, 23].

Исследование дефиниции персонификации (как в немецком, так и в других языках) показывает, что одни лингвисты трактуют персонификацию шире, чем другие. Под широтой здесь понимается не количество метафоризированных понятий, а конечная сфера транспозиции персонифицированного денотата: более широкая – живые существа вообще, более узкая – сфера антропонимов, людей [5, 3]. Таким образом, определение персонификации существенно различаются по критерию денотат/олицетворяющие признаки.

Так, у О.С. Ахмановой олицетворение трактуется как перенос признаков одушевленных предметов на неодушевленные, но под свойствами одушевленных предметов мыслятся в первую очередь человеческие свойства: «дар речи, способность вступать в отношения, свойственные человеческому обществу» [2, 286]. «Словарь литературоведческих терминов» дает суженное понятие персонификации, так как под свойствами живых существ здесь понимаются исключительно человеческие качества: «олицетворение – такое изображение неодушевленных или абс-

* © Серебрякова Е.В.

трактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ – даром речи, способностью мыслить и чувствовать» [14, 252]. Национальный сервер современной поэзии также дает суженную трактовку персонификации: «олицетворение, как и аллегория, основывается на метафоре. В метафоре свойства одушевленного предмета переносятся на неодушевленный. Переноса одно за другим на неодушевленный предмет свойства предметов одушевленных, мы постепенно, так сказать, оживляем предмет. Сообщение неодушевленному предмету полного образа живого существа и называется олицетворением. Примеры олицетворения: А и горе, горе, гореваньце! / А и лыком горе подпоясалось, / Мочалами ноги изопутаны. (Народная песня)» [11 [http](#)].

Не все авторы последовательны в толковании языковых явлений. Так, А.С. Лебедевский отмечает, что иллюстрация персонификации иногда вступает в противоречие с дефинициями. Автор цитирует определение Д.Э. Розенталя и приводимый им пример и показывает несоответствие между «узкой» трактовкой персонификации и ее иллюстрацией: «Так, в практической стилистике русского языка Д.Э. Розенталя читаем: «Олицетворение – троп, состоящий в перенесении свойств человека на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия». А далее следуют примеры: «Я свисну, и ко мне послушно, робко вползет окровавленное злодейство, и руку будет мне лизать, и в очи смотреть, в них знак моей читая воли». Хотя злодейство как понятие может соотноситься лишь с человеком, оно в цитированном предложении выступает скорее в образе побежденного, укрощенного зверя, готового выполнить любое желание своего господина» [7, 61].

В большинстве немецких источников персонификация определяется через связь с человеком. В работе «Стилистические средства и возможности немецкого языка» Д. Фаульзайд и Г. Кюн рассматривают персонификацию как наделение предметов и явлений качествами человека [17, 246].

Подобную трактовку понятия персонификации находим в труде В. Фляйшера и Г. Михеля «Стилистика современного немецкого языка»: «Als Personifikation werden Bezeichnungsübertragungen aus den menschlichen in nichtmenschliche Bereiche bezeichnet: „Der Frost will weiße Blumen an die Fensterscheiben malen“ (E. Strittmatter „Tinko“)». Хотя некоторые примеры позволяют сделать вывод, что этот троп понимается шире. Это, по словам А.Р. Исаакян, можно объяснить тем,

«что существует большое количество слов, образующих понятия, которые являются общими как для человека, так и для других живых существ. Это, во-первых, глаголы восприятия «*sehen, hören, fühlen*» и др., передвижения «*gehen, kommen, laufen, springen, klettern*», звучания «*schreien, singen, heulen*», переживания «*sich ärgern, sich beruhigen, sich beunruhigen*», глаголы типа «*atmen, schlafen, beißen, schlagen, töten*» и др. Сюда же относятся и прилагательные, обозначающие признаки, общие для всех живых существ: «*klug, dumm, schlau, geschickt, schlank, fett*» и т.п., а также существительные – обозначение частей тела: «*der Kopf, das Auge, das Ohr, die Zunge, der Zahn*». Если персонификация происходит вследствие сочетания слова, обозначающего предмет или явление неживого мира, с вышеупомянутыми классами слов, то, в случае отсутствия дополнительной информации, бывает подчас невозможно определить, произошла ли транспозиция в сферу одушевленности или в более «высокую» антропосферу» [5, 6].

Не однозначно отношение лингвистов к понятию «аллегория», которые одни авторы считают подвидом персонификации, другие, наоборот, предлагают рассматривать персонификацию как подвид аллегии, третьи рассматривают ее как самостоятельное явление.

В энциклопедии Брокгауза и Эфрона аллегория – это «художественное обособление отвлеченных понятий посредством конкретных представлений. Религия, любовь, справедливость, раздор, слава, война, мир, весна, лето, осень, зима, смерть и т.д. изображаются и представляются, как живые существа» [15 [http](#)]. В немецком справочнике «Das große Kunstlexikon von P.W. Hartmann» встречаем похожее определение: «Аллегория – символическое изображение абстрактных понятий, представлений и отвлеченных взаимосвязей. Хотя аллегория не может быть четко отграничена от символа, она отличается от него преобразованием понятия в человеческий образ (персонификация), который часто снабжается особыми признаками (атрибутами), иногда даже пояснительной надписью, но он может выражать свое значение также посредством мимики и одежды. Реже встречается аллегория в образе животного» [цит. по Воскресенской]. Как видно из данных определений, речь идет по сути дела о персонификации, так как отвлеченные понятия представляются в виде живых существ и сама формулировка перекликается с определением персонификации многих авторов. На это указывают немецкие лингвисты Д. Фаульзайд и Г. Кюн: «При аллегии речь идет, по сути дело, о персо-

нификации абстрактных понятий» [17, 248]. Э.Г. Ризель замечает, что «персонификацию в целях поэтического одушевления и сатирико-юмористического освещения подчас нелегко отличить от родственного ей явления – аллегории». Далее автор трактует аллессию как подвид персонификации: «Аллегорию можно рассматривать как особую форму персонификации. Здесь речь идет о предметной наглядности, о телесном воплощении идей и абстрактных понятий, явлений и сил природы (преимущественно путем одушевления их в человеческих образах). Как и во всех видах метафоры, здесь разграничиваются общеязыковые и индивидуальные – простые, распространенные и сложные аллегии. В отличие от простой персонификации этому стилистическому приему свойственны некоторые дидактические черты. Аллегория часто является смысловым центром законченного высказывания (какого-либо текста), побуждая читателя к размышлению о жизненно важных вопросах, так, например, средневековая аллегория «госпожа Вселенная» (в немецком языке слово Welt женского рода) с прекрасным лицом и покрытой язвами спиной» [13, 208].

Другие источники предлагают различать аллегория в риторике и в искусстве, включающем в себя изобразительное искусство и литературу, – во втором случае она считается формой персонификации: «В риторике аллегория относится к тропам (формам переносного употребления слов) и определяется как распространенная, т.е. выходящая за пределы одного слова метафора. В изобразительном искусстве и в значительной части в средневековой литературе и литературе барокко аллегория выступает в особой форме персонификации, в которой лицо посредством определенных атрибутов, действий и слов представляет некое абстрактное понятие, например, добродетель или порок» [21 [http](http://)]. Словарь «Meyers Konversationslexikon [http](http://)» предлагает различать три вида персонификации: метафорическую, аллегорическую (представление абстрактных понятий в образе человека с характерными атрибутами) и мифологическую (представление явлений или понятий как проявления божественной личности) [19 [http](http://)].

Бесспорно, что персонификация и аллегория – это два разных тропа, которые сопрягаются там, где иносказание воплощается в образе живого существа, в частности человека. Подтверждение этой мысли мы находим в «Стилистике» Б. Асмута, Л. Берга-Элерса, где эти явления рассматриваются как два разных способа понимания и представления, которые лишь час-

точно пересекаются [16, 143].

При исследовании персонификации возникает еще один вопрос: считать ли персонификацию лишь очеловечиванием или в широком смысле – одушевлением. При узком понимании персонификации за рамками исследования остается большое количество интересных случаев одушевления. В литературных текстах часто встречаются примеры одушевления явлений, чувств, связанные не с понятием человек, а с понятием живое существо или животное. В романе Э. Штриттматтера «Оле Бинкоп» мы находим интересные примеры персонификации явлений природы. Выражения «*Der Frost beißt*» («Ole Bienkopp», s. 342) вызывает в воображении образ злой, бездомной собаки, которая норовит укусить всех прохожих. А, например, предложение «*Der Sommer summt sich durch das Land*» («Ole Bienkopp», s. 34) ассоциируется со шмелем или пчелой, летящей собирать нектар в жаркий день. Персонификаторами здесь выступают глаголы, которые связываются с представлениями об опасном звере и жужжащем насекомом. В некоторых случаях трудно определить, относится ли действие / определенное качество к человеку или животному. В предложении «*Das Fest klettert auf der Stimmungsleiter empor*» („Ole Bienkopp“ s. 134) видно, что понятие «взбираться» может соотноситься как с животным, так и с человеком. Поэтому ограничивать понятие персонификации только человеческими качествами не представляется необходимым.

Уточняя определение персонификации, необходимо также проанализировать ее связь с метафорой. Традиционно под метафорой в стилистике понимают «языковое выражение, при котором слово (словосочетание, предложение, фрагмент текста) переносится из своей области значения в другую и используется как художественный образ. Его прагматическая ценность и стилистический эффект является результатом сравнения двух явлений, понятий или вещей, которые связаны общим признаком» [10, 212]. Если же «чужое» свойство принадлежит живому существу или человеку, правомерно рассматривать такие метафоры как персонификации, хотя некоторые исследователи употребляют термины «олицетворяющая метафора» или «антропоморфная метафора». «Если стать на точку зрения некоторых немецких исследователей, то придется признать, что персонификация имеет всеобъемлющий характер, а граница между ней и обычной речевой метафорой вообще исчезает. В. Шнейдер, например, включает в рассматриваемое явление субстантивные новообразования

с суффиксом -er типа Himmelsfeger (мистраль), Wellenschleifer (корабль). В. Вакернагель прямо пишет: «В широком смысле все метафоры, которые служат для одушевления неживых явлений (сущностей), являются персонификациями ...» (перевод наш) <...> В. Шмидт, говоря о персонификации, упоминает такие слова и выражения, как die Waffe versagt, ein Gedanke fällt ihm ein <...>, Hosenträger, Federhalter и т.п.» [7, 67]. Таким образом, можно сделать вывод, что персонификация, в отличие от метафоры, образована в результате нарушения категории одушевленности / неодушевленности и неразрывно связана с понятием «антропоморфизм», когда человек измеряет все в форме бытия в масштабе своего опыта и знания по своему образу и подобию. Это подтверждает В. Вакернагель. Говоря о персонификации, автор выделяет определенную черту – «Körperlichkeit» (телесность, материальность). В своем определении персонификации он пишет: «... Wenn ein lebloses, namentlich ein abstraktes Ding ungewöhnlicher, vom sonstigen Sprachgebrauch abweichender Weise als ein beseelt wirkendes, als handelnd, hörend, redend hingestellt, mithin dem leblosen ein Bewusstsein, dem abstrakten eine Körperlichkeit verliehen wird» [20, 397].

В своей статье А.С. Лебедевский пытается определить критерии персонификации. Он называет три основных условия: «Во-первых, персонифицируемый объект должен рассматриваться как самостоятельно существующий независимо от восприятий говорящего; во-вторых, ему необходимо самому обладать пространственной формой, доступной пониманию слушающего, или соотноситься с живым существом, облик которого, пусть в самых общих чертах, воссоздается сознанием, и, в-третьих, ему приписывается возможность совершения действий или обладания свойствами, типичными для человека или какого-либо животного» [7, 62]. Эти критерии достоверности персонификации относятся к так называемой «полной» или «чистой» персонификации, к ее четкой, ярко выраженной форме, «которая задумана автором речи как одушевленный или очеловеченный образ неодушевленного предмета или явления и воспринимается слушающим согласно авторской интенции. Обычно такая персонификация бывает развернутой, персонифицированный объект имеет несколько характеристик, способствующих метафоризации» [5, 12]. В романе Э. Штриттматтера «Der Laden» мы находим развернутое описание предметов мебели, которые переехали в новый дом героев вместе с ними и являются не просто деревянными объектами, которые необходимы для комфортной жизни лю-

дей, но, прежде всего, членами этой семьи: «Der große Spiegel wird ausgeladen. Sein Gesicht ist mit grauen Decken verhängt. Wir sehen ihm wie einem Hochseilartisten entgegen, von dem man fürchtet, er könnte stürzen, obgleich man, wenn doch geschehen sollte, schon gern dabei wär. Von unserem Spiegel wünschen wir uns, er möge heil sein <...> Da ist der Spiegel. Er schaut uns an. <...> Er lässt nichts und niemand aus, unser Spiegel, er benachteiligt niemand. <...> Der Spiegel hat Macht, Macht über die, die Verlangen spüren, gespiegelt zu sehen, wer sie sind, und wer von uns verlangt nicht danach?» [E. Strittmatter „Der Laden“, s. 13]. Часто метафоризованное понятие наделяется одним каким-то свойством или признаком одушевленного существа, и образ оказывается нечетким, расплывчатым, а персонификация – частичной: «Es werden viele Geschichten der Heide erzählt. Sie springen von einem Mund in den anderen und werden dabei länger, lustiger und bunter» [E. Strittmatter „Der Laden“, s. 26].

Исходя из выше перечисленных факторов, важно разграничивать разные степени переноса свойств и признаков живых существ на явления неживого мира. Точным, на наш взгляд, является классификация подвидов персонификации, предложенная А.Р. Исаакян: «Собственно персонификация – приписывание предметам и явлениям неживого мира специфических свойств и признаков человека; антропонимизация – наделение представителей фауны специфическими качествами человека, оживление – наделение предметов и явлений неживого мира свойствами и признаками одушевленных существ, исключая специфические черты человека» [5, 6].

Итак, персонификация – своеобразное и многоплановое явление, обладающее определенным набором выразительных средств и целой системой языковых образов, при употреблении которых персонифицирующий момент проявляется в различной степени. Это некий континуум определенных смыслов: от оживления к очеловечиванию, учитывая то, что круг олицетворяемых в художественных текстах предметов необычайно широк: персонификация распространяется буквально на все явления, понятия окружающего мира, на психические, социальные, интеллектуальные состояния, на ирреальные объекты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аксенова М. Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. – М.: Аванта+, 2005. – 700 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 608 с.

3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов. – М.: «Помовский и партнеры», 1993. – 320 с.
4. Воскресенская С.Ю. Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2007. – 23 с.
5. Исаакян А.Р. Грамматические средства персонификации и деперсонификации в современном немецком языке: Дисс...канд. филол. наук. – М.: МГПУ им. Мориса Тереза, 1978. – 160 с.
6. Константинова С.К. Семантика олицетворения. – Курск: Изд-во КГПИ, 1997. – 112 с.
7. Лебедевский А.С. Персонификация и способы ее выражения. Сб. «Вопросы германской филологии». – Калинин, 1975. – Вып. 2. – С. 61–69.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
9. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов: Пер. с фр./ Предислов. В.А. Звегинцова. Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.
10. Наер Н.М. Стилистика немецкого языка. – М.: «Прометей» МПГУ, 2004. – 288 с.
11. Национальный сервер современной поэзии // <http://www.stihi.ru/uchebnik/rech3.html>
12. Некрасова Е.А. Олицетворение как элемент художественного идиостиля // Стилистика художественной литературы. – М.: Наука, 1982. – С. 34–40.
13. Ризель Э.Г. Персонификация, аллегория, символ. Сб. научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тереза, вып. 91. – М., 1975. – С. 204–209.
14. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – 510 с.
15. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/2482>.
16. Asmuth B., Berg – Ehlers L. Stilistik. Opladen, 1976. – s. 104–105.
17. Faulseit D., Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache, Leipzig, 1965.- s. 246–247.
18. Herman Paul. Deutsches Wörterbuch. 10., überarbeitete und erweiterte Aufl. von Helmut Henne, Heidrun Kämper und Georg Objartel. Tübingen: Niemeyer, 2002.- 609 s.
19. Meyers Konversationslexikon <http://www.retrobibliothek.de/retrobib/seite.html?id=112669>
20. Wackernagel W. Poetik, Rhetorik und Stilistik. Halle, 1873. – s.397.
21. Wikipedia, die freie Enzyklopädie // <http://de.wikipedia.org/wiki/Personifikation>.

Источники примеров

1. Штритматтер Е. Оле Бинкоп: Роман. – М.: Прогресс, 1980. – 422 с.
2. Strittmatter E. Der Laden. – Berlin, Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, 1994. – 536 S.

Е. Serebryakova

THE PROBLEM OF DEFINITION OF PERSONIFICATION IN THE STYLISTICS

Abstract. The article deals with the stylistic device of personification. The main task of the article is an analysis of different views on given trope and the research of relations between the personification and the other stylistic figures. In our article we try to formulate the most correct definition of this concept.

Key words: metaphor, personification, allegory, prosopopoeia, anthropomorphism.

УДК 81'42

Сухая Е.В.

ТИПЫ ИСТОЧНИКОВ КИНОРЕЧИ КАК ОСНОВА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Аннотация. В статье рассматриваются типы текстов, содержащие речь персонажей художественных фильмов, которые можно использовать в качестве основы для лингвистического исследования. Автор приводит собственную классификацию типов кинотекстов, основываясь на анализе отечественных и зарубежных источников. В статье уточняются понятия «киноязыка», «кино речи» и «кино текста» и дается детальная характеристика киносценария как особой литературной формы.

* © Сухая Е.В.

Ключевые слова: киноязык, кино речь, кинотекст, киносценарий, титры, субтитры, запись по фильму.

Современный исследователь живет в поистине удивительную эпоху. Свободный обмен информацией, которым определяется сегодняшний день, открывает перед ученым огромные возможности: работа в виртуальных библиотеках, покупка специализированной литературы в интернет-магазинах, общение с членами профессионального сообщества из любого государства.